
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 157—167.

Woman in Russian Society. 2025. No. 4. P. 157—167.

Научная статья

УДК 791.43-2-055.2

EDN: <https://elibrary.ru/mwzaij>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.4.11

ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНЫЕ В СОВЕТСКОМ «ОТТЕПЕЛЬНОМ» КИНО 1950—1960-х гг.

Наталья Львовна Пушкарева

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности отображения женского участия в научной жизни страны в период политической «оттепели», образы российских женщин-ученых в кинолентах 1950—1960-х гг. Цель автора заключается в выявлении динамики в смене женских образов, связанных с работой в науке и созданных в довоенные десятилетия и первые годы после Великой Отечественной войны, образами, рожденными временем социальных надежд и оптимизма в отношении перспектив российской науки. Подтвердилась рабочая гипотеза о том, что, несмотря на смену идеологических ориентиров и новую ситуацию в стране, с энтузиазмом реализовывавшей огромный государственный научный проект, женский вклад в науку остался недооцененным (как в реальности, так и в созданных в те годы кинолентах). Женская социальная роль (служанка по призванию) нашла свое отражение практически во всех кинокартинах, так или иначе затрагивавших жизнь науки и жизнь в науке.

Ключевые слова: женщины-ученые, советский гендерный проект, история советского кино, Россия в 1950—1960-х гг., политическая «оттепель»

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00212 «Женская семейная память в России XVIII—XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия», <https://rscf.ru/project/24-18-00212/>.

Для цитирования: Пушкарева Н. Л. Женщины-ученые в советском «оттепелном» кино 1950—1960-х гг. // Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 157—167.

Original article

WOMEN SCIENTISTS IN SOVIET CINEMA DURING THE “THAW” PERIOD IN THE 1950—1960s

Natalya L. Pushkareva

N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, pushkarev@mail.ru

Abstract. The article examines the characteristics of the portrayal of women’s participation in the country’s scientific life during the political “Thaw” and the images of Russian women scientists in films of the 1950—1960s. The author’s goal is to reveal the dynamics in the changing images of women associated with work in science in the pre-war decades and the early years after the Great Patriotic War, as well as images of social hopes and optimism regarding the prospects of Russian science. The author confirms the hypothesis that despite the change in ideological orientation and the new political course in the country, as well as the active implementation of a huge state scientific project, women’s contribution to science remained underestimated (both in reality and in the films made during those years). The social role of women (domestic servants by vocation) was reflected in almost all films that depicted life in science and the life of science in one way or another.

Key words: women scientists, Soviet gender project, history of Soviet cinema, Russia in the 1950—1960s, political “Thaw”

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 24-18-00212 “Women’s family memory in Russia of the 18th—21st centuries: forms of transmission, dynamics of transformations, social mission”, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00212/>.

For citation: Pushkareva, N. L. (2025) Zhenshchiny-uchënye v sovetskom «ottepel’nom» kino 1950—1960-kh gg. [Women scientists in Soviet cinema during the “Thaw” period in the 1950—1960s], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 157—167.

Введение

Социальная память о том, как жилось ученым в СССР, какими были домашний быт и внерабочая повседневность научных сотрудников во времена, когда наука развивалась стремительно, научные кадры готовились с энтузиазмом, а сами ученые были буквально ослеплены неким общим проектом, нацеленным на создание общества будущего, досадно мало представлена в историографии. Еще меньше мы знаем о том, каков был быт не просто ученого, а именно советской женщины-ученого в те славные годы. Достаточно сформулировать эту тему, как сразу же те, кто жил в то время и помнит эпоху, вспомнят некоторые кинофильмы той поры.

Материалы художественных фильмов по сложившейся традиции чаще используют как комплементарные (дополнительные) исторические источники: специальный анализ ментальных перемен на основе изучения кинообразов практически не встречается в исторической литературе. Между тем киноленты позволяют увидеть в кинематографе особый тип исторического дискурса, иногда

и не совпадающий с дискурсом письменной истории, поскольку он являет собой особый тип коллективного бессознательного советской и постсоветской эпохи.

Ставя исследовательской задачей изучение форм и способов презентации «ученой женщины Страны Советов» в художественном кино, можно получить необходимый эмпирический материал о реальном и ожидаемом в отношении работницы сферы науки, а уже через него размышлять о мотивации, жизненных стратегиях прототипов киногероинь — о нескольких поколениях женщин-ученых, живших полвека тому назад и живущих поныне.

Женщины в советской науке в 1950—1960-х гг.

Сотрудницы научно-исследовательских институтов и преподавательницы вузов (небольшая обособленная часть образованной городской элиты) в последнее время иногда становятся предметом внимания социологов и историков. Правда, образ «странного профессора» в мировой художественной литературе и культуре — это образ именно мужской, ведь научная профессия была сферой мужского преобладания в течение нескольких столетий.

В России XX век был временем многоэтапной феминизации науки.

Особенно заметное влияние на общество имела вторая, послевоенная волна этого процесса, совпавшая с массой политических, экономических и эстетических перемен. Послевоенная разруха, стремление совершить в нищей, разоренной стране, которой был СССР после войны, быстрый и решительный научный рывок сделали науку приоритетной темой документального кино [Теплинский, 2006; Сальникова, 2010]. Не отставало и кино художественное: желание создать визуальными и риторическими средствами канон советского ученого и его женского воплощения чувствовалось во множестве кинолент. Это был способ не столько отображать, сколько конструировать действительность [Marsh, 1986], воспроизводя, конечно, идеологические установки, ориентированные на прославление особенностей советского экономического и социального устройства, в том числе и для женщин [Сыров, 2006: 41].

О том, как в первое послевоенное десятилетие образы работниц сферы науки буквально ворвались в советскую киноиндустрию, писать уже приходилось [Пушкарева, 2020].

Второе послевоенное десятилетие и собственно политическая «оттепель» создали особенно благоприятные условия для проведения научных исследований; лояльным ученым, работавшим над решением крупных народно-хозяйственных задач, предоставлялись материальные привилегии [Пушкарева, 2025]. Это продвигало науку, а самих исследователей влекло в НИИ, поскольку формировавшаяся там особая интеллектуальная среда обеспечивала ироничный субстрат в оценках происходящего, своеобразный эскапизм от действительности [Байрау, 1994].

Тем интереснее задуматься о том, насколько «женская тема» была представлена в «оттепельном» советском кинематографе, ведь в реальной истории отечественной науки это было время самой массовой феминизации научно-исследовательской работы, создания огромного числа рабочих мест в сфере науки: и в столицах, и в крупных городах союзных республик, и за Уралом, где возник новый научный центр — сибирский Академгородок [Терлецкая и др., 2007].

Престижная и хорошо оплачиваемая сфера труда манила и принимала женщин. Для многих дополнительным стимулом служил относительно свободный режим работы. С позиций нынешнего времени можно, однако, говорить скорее о росте числа женщин, пришедших в систему «научного обслуживания». Их доля среди исследователей с должностями и званиями увеличивалась очень медленно.

Женщины в кинолентах о жизни науки 1950—1960-х гг.

Приход женщин в разные отрасли научной деятельности в послевоенные годы был неравномерен. Довольно быстро стали «женскими» гуманитарные науки (в которых нужны были женщины для работы архивистами, младшими научно-техническими сотрудниками). И лишь затем стала возрастать численность женщин в технических науках и таких отраслях знания, как фармакология, биология, химия, медицина [Гантман, 1976], где резко увеличилось количество тех, кто только что «сдал термодинамику», как весело сообщает студентка Таня в фильме *«Здравствуй, это я!»* (реж. Ф. Довлатян, 1965, первая роль М. Тереховой).

Но и там тоже, при быстром росте числа женщин на самых низших научных должностях, количество женщин-ученых, защитивших кандидатские, а тем более докторские диссертации, росло не слишком интенсивно, а получивших звания членов-корреспондентов и академиков Академии наук СССР вообще можно было пересчитать по пальцам. В пресловутую хрущевскую оттепель на эту диспропорцию мало кто обращал внимание [Пельц, Эндрюс, 1973; Старос, Хорева, 1990]. Тем важнее отметить: впервые в истории партийных съездов голос в защиту свободных дискуссий в науке подняла женщина — первая женщина-академик по отделению истории АН СССР, главный редактор журнала «Вопросы истории» А. Панкратова. Именно она, выступая на XX съезде партии в 1956 г., первой решилась сказать о сильном отставании СССР в развитии общественных наук в целом и особенно в истории советского общества [Городецкий, 1989: 71]. Яркое выступление женщины-академика не запечатлено в документальной кинохронике, и такого рода образы парадоксально не проявились в советской кинопродукции 1950—1960-х гг. Однако, чтобы попытаться найти динамику в отношении советских кинематографистов к женской теме, стоит рассмотреть все фильмы, в которых присутствует образ женщины-ученого (реальный или идеальный), в хронологическом порядке.

Похоже, образец личных качеств и высших норм нравственной личности авторы тогдашней идеологии¹ «ученая женщина» искали в прошлом. В те годы, когда за рубежом не было создано ни одного фильма о женщинах-ученых, в СССР был выпущен на экраны фильм о выдающейся россиянке, женщине-математике — *«Ковалевская»* (реж. И. Шапиро, 1956, в главной роли Е. Юнгер). Фильм вписывал женское имя в общий ряд имен, прославивших русскую науку: *«Мичурин»* (реж. А. Довженко, 1948), *«Академик Иван Павлов»* (реж. Г. Рошаль, 1949), *«Жуковский»* (реж. В. Пудовкин, 1950). Пьесу о замечательном математике написали П. Рыжей и Л. Тубельский (братья Тур). Поставил ее Ленинградский театр комедии, явив зрителям не столько научную работу

¹ Идеологема — устойчивое словосочетание, имеющее идеологическую нагрузку (ср. «общечеловеческие ценности», «права потребителей»).

первой в мире женщины — профессора математики и ее мужа, палеонтолога В. Ковалевского, не столько их доблестное служение Отчизне, сколько сложности их личных взаимоотношений (почерпнутые из текстов самой женщины-ученого, прежде всего ее воспоминаний) [Ковалевская, 1960]. Пьеса была неоднозначно принята кинокритикой конца 1940-х [Лившиц], но легко вписалась в изменившуюся конъюнктуру 1950-х, когда тема частной жизни полновесно зазвучала в кино и на сцене.

Воспоминания С. Ковалевской, ее безрадостная семейная жизнь (фиктивный брак, с помощью которого она выбралась за рубеж для получения образования, слишком большая увлеченность наукой обоих супругов, «допущенная» Софьей случайная близость с мужем, в результате которой родилась дочь (ее воспитывала подруга Софьи, также женщина-ученый, химик Ю. Лермонтова), влюбленность Софьи в однофамильца-палеонтолога) [Валькова, 2019] — все это как раз попало в фильм. Тема частной жизни женщины-ученого была затронута в связи с ее мужем, пытавшимся развернуть бизнес на наследственные деньги жены (что, судя по переписке С. Ковалевской с сестрой Анной, было правдой).

Многие высказывания ученого взяты из ее дневников и воспоминаний, но в них она никогда не писала о том, что профессиональный успех лишил ее женского счастья. А таких высказываний в фильме немало («Я чувствую, что предназначена служить истине — науке и прокладывать новый путь женщинам»; «Моя слава лишила меня обыкновенного женского счастья... Почему меня никто не может полюбить? Почему же любят самых незначительных и только меня никто не любит?»). То есть многое авторами было досочинено и вложено в уста женщины-математика, и досочинено в духе, присущем соцреализму («Держайте! Не бойтесь обжечь руки о звезды!»). Правилom создания картины о людях науки была в 1950-е очевидная патетика. Проблема вечной для России трудности существования людей науки передавалась посредством интонации, тембра голоса, общего цветового фона картины, темной мрачной одежды действующих лиц.

Художественные фильмы, созданные после «Ковалевской» (которая стилистически тяготела к прошлому периоду восстановления послевоенной разрухи), несмотря на очевидную смену настроения, продолжали соответствовать идеологии героизации россиян, отдающих силы и здоровье во имя будущего. Таковыми были и образы ученых в вербальных и визуальных символах советского героического как сверхчеловеческого. Фильмы призваны были направлять общество в будущее как некая культурная миссия, объединяющая готовность к инновациям и личное самопожертвование; как нельзя лучше такая социальная роль совмещалась с женским социальным предназначением — сохранять, даже жертвуя собственным здоровьем. Тема эта прошла красной нитью в фильме «Неповторимая весна» (реж. А. Столпер, 1957) — о семье археологов Буровых, направившихся на раскопки в Среднюю Азию, где их застала эпидемия чумы. Героиню фильма Анну Бурову играла всем тогда известная И. Извицкая. Научное творчество ее героини, ее быт были за кадром, но женственность, утонченность и элегантность оставались в памяти.

И это неслучайно. В фильмах о науке, снятых в то десятилетие, современницы-ученые вроде Буровой всегда представляли созданиями редкой красоты и привлекательности. Лучшее подтверждение тому — образ Лели, сотрудницы физического института Академии наук СССР в знаменитом фильме «Девять дней

одного года» (реж. М. Ромм, 1961), который было доверено воплотить советской мегазвезде 1960-х гг. Т. Лавровой (в годы страстного романа ей посвятил знаменитые строки поэт А. Вознесенский: «Ты меня на рассвете разбудишь, проводить необутая выйдешь»), впоследствии вошедшие в спектакль М. Захарова «Юнона и Авось» театра «Ленком» и ставшие известными всей стране).

Событийная канва «Девяти дней...» — история двух физиков-ядерщиков и их коллеги, которую играла Т. Лаврова, занимающихся разработкой проблем ядерной физики. Именно этот образ научной работницы всплывает в памяти, когда заходит разговор о советской науке 1960-х и отражении ее реалий в кино. Женская фигура в «Девяти днях...» сдвинута на уровень второстепенной, ведь режиссер — вводя женский образ в эту страницу истории советской науки — специально выбрал сексуально притягательную актрису, призванную оттенять таланты, мужественность и мудрость «сильного пола» рядом с нею.

Быт женщины-ученого очень скупо представлен в этой киноленте (быт домашней неумехи, способной готовить на завтрак любимому одну лишь яичницу).

По сценарию Леле следовало проявить себя не автором блистательной идеи, а играть привычную женскую социальную роль — верхушки любовного треугольника. В ней прочитывалось типичное для советского кино 1960-х гг., как и обыкновенное для великой русской литературы XIX в., «ужасное совершенство» русских женщин (В. Heldt) — готовность русских героинь к самопожертвованию. Находясь во время опыта рядом со своим научным руководителем, один из друзей-соперников в «Девяти днях...» получал критическую дозу радиации. Узнав об этом Леля тут же принимает решение стать его женой. Такой образ был созвучен времени — эпохе освоения космоса, открытий в химии и физике, которые поставили на повестку дня вопрос о последствиях научно-технического прогресса, о его гуманитарной составляющей, а режиссеры языком кино подчеркнули факт готовности и женщин тоже не стараться уберечься, а напротив — жертвовать здоровьем будущих поколений, ребенка, который мог бы родиться от смертельно больного, облученного отца.

Объект любви прелестной и запоминающейся своей красотой женщины-ученого в этом фильме (да и во всем советском кино «оттепели») — ученый-мученик, человек одной с ней специальности (что позволяло женщинам понимать вклад их избранников в сферу знания) [Woll, 2000], ставящий Дело выше Любви (даже к таким умным и таким жертвенным женщинам, как они). Продолжением этих социальных связей было невысказанное утверждение: заслуги советской науки — заслуга государства, создавшего для ученых идеальные рабочие условия на новейшем оборудовании (пусть и с риском для их здоровья и жизней).

Все та же тема — женщины нужны в научной среде для ее одухотворения и украшения, как верные подруги и помощницы в семье — обнаруживается в следующем по хронологии фильме начала 1960-х гг. «Все остается людям» (реж. Г. Натансон, 1963, по пьесе С. Алешина). Главный женский образ в нем, Ксении Румянцевой, был создан опять-таки властительницей мужских сердец — Э. Быстрицкой. Румянцева в этом фильме, конечно же, не ученый в полном смысле слова, не руководительница проектов, не директор и даже не заведующая лабораторией, а всего лишь ассистентка академика Ф. Дронова. Фамилия

героини — говорящая: влюбленные в ученых научные сотрудницы никогда не носили в советском кино неблагозвучных фамилий и банальных имен. Румянцева — безумно влюбленная в гения, постоянно готовая помогать, вызывающая вечную тревогу у жены Дронова — научная сотрудница. Ее аналитический вклад и отношение к ней как к ученому в фильме не были раскрыты — ровно так же, как в фильме «Девять дней одного года» не прочитывались научные достижения героини Т. Лавровой, а в «Неповторимой весне» — героини И. Извицкой.

Этические ценности превратились в советской культуре того времени в объект веры (в известной мере, как следствие антирелигиозной пропаганды). Женщина-ученый воплощала норму православной этики, ставшую нормой этики советской: она представлялась тем «плечом» для ученого-праведника, которому оно необходимо, чтобы противостоять синклиту антагонистов (в данном случае — академиков). Такой подход обнаруживается в еще одном «оттепельном» фильме — *«Иду на грозу»* (реж. С. Микаэлян, 1965, по роману Д. Гранина). В данном кинонарративе такое «плечо» — не законная жена, а единомышленница-любовница.

Подобный ролевой расклад на советских экранах был явлен впервые — и это та самая динамика, которая отличает «оттепельное» кино от первого послевоенного. Сегодняшний зритель фильма *«Иду на грозу»* справедливо отметил: «В нашем кино эта тема почти не затрагивалась, может быть из уважения к академику Ландау. Такая любовь тянется долгие годы на глазах у всех. Даже народную мудрость на эту тему придумали: “Ученый, не имеющий любовницы, бездарен в науке”»². Любопытно, что ремейк фильма *«Иду на грозу»*, вышедший в виде телеверсии в годы перестройки с названием *«Поражение»* (реж. Б. Мансуров, 1987), перенес акценты с противостояния двух типов физиков и этики поведения в академическом сообществе на тему социального приспособленчества и умения бороться за идею. При этом тема женщины-ученого как «опоры» и «плеча» для новатора (в фильме 1965 г. ее играла В. Лепко, в фильме 1987 г. — О. Кабо) сохранилась в неизменности.

Любовница в составе своего научного коллектива, разделяющая научную принципиальность избранника, — типическая героиня советского кино и образ положительный, поскольку она тоже всегда представлялась борцом против «всего косного», в защиту нового и/или Природы. Здесь уместно вспомнить о вышедшей за несколько лет до фильма *«Иду на грозу»* телеэкранизации повести дальневосточного писателя А. Пришвина *«Хозяйка таежной реки»* (1960); название перекликалось с названием народного сказа, обработанного П. И. Бажовым (*«Хозяйка Медной горы»*). В телеверсии по книге А. Пришвина героиней оказывалась женщина-ихтиолог (научное звание и степень не указаны) Маруся Жигарева, вступившая в неравную схватку с теми, кто варварски относился к природным богатствам края. Писатель вывел в повести образ не столько ученого, сколько спасительницы, защитницы в облике ихтиолога — и это воплотилось и в телеверсии его книги. В кино такие роли — ученых, не щадящих себя и работающих на износ до внезапной ранней смерти (*«Девять дней одного года»*, *«Здравствуй, это я!»*, *«У озера»*, *«Иванцов, Петров, Сидоров...»*), — обычно

² Советское кино. Иду на грозу (1965): отзывы // Кино-театр.ру. URL: <http://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/2667/forum/#1918695> (дата обращения: 01.08.2025).

отдавались мужчинам. А тема долговременной, упорной борьбы, непоколебимой поддержки — женщинам.

Именно в годы политической «оттепели» и впервые проявленного внимания к поддержке и защите частной жизни человека — годы, противостоящие предыдущему периоду «бури и натиска» в чувствах и поведении — была остро востребована мягкая женственность. Она заставляла зрителя задуматься о нравственном мире человека, занятого научными изысканиями, об образе жизни научных сотрудников — не знающих выходных и праздничных дней, постоянно занятых размышлениями над научной проблемой и выносящих эти обсуждения за пределы коридоров института или лаборатории, в контекст дружеского общения и отношений с любимыми. Во всех этих фильмах 1950—1960-х гг. энтузиазм ученых подчеркивался отсутствием материальной заинтересованности, тема оплаты явно ненормированного труда с риском для жизни и здоровья (тем более женского) никого, похоже, не волновала.

Выводы

Кинокартины 1960-х гг. оставались в Стране Советов все теми же мифами о советской жизни, какими они были в первые послевоенные годы, отмеченные созданием знаменитого фильма Г. Александрова «Весна» (1947) и образа героини Л. Орловой, изучавшей «энергию солнца» [Корзун, Колеватов, 2006: 199]. Как и те, послевоенные фильмы, они не столько отображали реальность, сколько удачно под нее мимикрировали [Вайль, Генис, 2018: 100]. Новое время, распахнувшее в середине 1950-х двери архивов, позволившее узнать что-то из жизни современников за рубежом, создать «толстые» литературные журналы, в которых публиковались тексты на темы, ранее немыслимые, в том числе и связанные с женскими жизнями (повесть Н. Баранской «Неделя как неделя» была первым таким текстом, рассказавшим о страшной загруженности научной сотрудницы в советском НИИ), позволило удовлетворить голод аудитории, жаждавшей фильмов о реальной жизни тех, кто рядом. И такие фильмы начали создаваться, приспособивая к политическим сдвигам настроения, которые характеризовали этот период (осознание ценности частной жизни). Кино и режиссеры сыграли решающую роль в успешных попытках освободиться от гнета прежних идеологов.

Дух политической «оттепели» заставлял конструировать иной — отличный от времени господства тоталитарной культуры — тип героического, в том числе героического женского. Это был период трансформаций безусловной и искренней веры в возможность создания «человека коммунистического завтра» — в неясные сомнения, в стремление отнести идеальные качества человека науки, и в частности советской женщины-ученого (самоотверженность до самозабвения во имя получения исследовательского результата, готовность довольствоваться малым в бытовом отношении), к ушедшему времени, к более раннему периоду развития отечественной научной мысли. Зрителям-современникам должно было казаться (а отчасти так оно и было), что такие подвижники часто встречались в их жизни.

Главная характерная черта женских образов в «оттепельном» кино о жизни академического и преподавательского сообщества — восхищение учеными мужами [Кныш, 2009], но, добавим, при второстепенности рисуемого в фильмах женского места в науке. Образы женщин во всех проанализированных

кинолентах — образы служанок по призванию. Их функции в науке обслуживающие (мыть пробирки, следить за приборами), какими на экране представляли и функции социальные и семейные (помогать, подставлять плечо, привлекать красотой и давать заслуженный отдых мужчине).

Сами фильмы о людях науки отвечали идеологическим требованиям: показывать и доказывать, что русская наука — самая передовая в мире, что советская власть оказывает ей максимальную поддержку. Подчеркивалась социальная значимость научного дела, без которого неосуществим прогресс, — потому в фильмах 1950—1960-х практически не показываются сотрудники НИИ гуманитарного профиля, подсвечивалась только важность естественно-научных и физико-математических дисциплин, а число женщин в них всегда было гораздо меньше, чем в гуманитарных. Не было в «оттепельных» фильмах ничего напоминающего о значительной роли женщин в научном сообществе, о тех, кто посвятил себя любимому делу (кроме фильма «Ковалевская», прошедшего незамеченным на советских экранах), кто мог бы стать примером для девочек, мечтающих когда-нибудь сделать свой вклад в большую науку.

Режиссеры «оттепельных» фильмов, хотя и старались немного показать домашнюю и семейную жизнь ученых, менее всего ставили задачу рассказать о нелегком труде исследовательниц, о неудачах в попытках собрать нужные данные, о трудностях поиска финансирования и о радости женского научного озарения. Эти темы стали осознаваться обществом и интеллектуалами в последующие советские десятилетия.

Список источников

- Байрау Д. Интеллигенция и власть — советский опыт // Отечественная история. 1994. № 2. С. 122—136.
- Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: АСТ: CORPUS, 2018. 432 с.
- Валькова О. А. Штурм цитадели науки: женщины-ученые Российской империи. М.: Новое лит. обозрение, 2019. 800 с.
- Гантман Ю. Н. Удовлетворение деятельностью в связи с качествами личности и параметрами осуществляемой деятельности // Психологические вопросы становления профессионала / под ред. К. М. Гуревича. М.: Наука, 1976. Вып. 1. С. 102—115.
- Городецкий Е. Н. Журнал «Вопросы истории» в середине 50-х гг. // Вопросы истории. 1989. № 9. С. 70—76.
- Кныш Н. А. Образ советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2009. 250 с.
- Ковалевская С. В. Воспоминания детства; Нигилистка. М.: Худож. лит., 1960. 239 с.
- Корзун В. П., Колеватов Д. М. Социальный заказ и трансформация образа исторической науки в первое послевоенное десятилетие: («На классиков равняйся!») // Мир историка. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2006. Вып. 2. С. 199—224.
- Лившиц Л. Я. Трудности преодоленные и непреодолимые: (пьеса «Софья Ковалевская» братьев Тур в театре им. Т. Г. Шевченко) // Лев Лившиц. In memorem. URL: <http://www.levlivshits.org/index.php/works/vopreki-vremeni/publ-recenz-menu/249-trudnosti-recenz.html> (дата обращения: 01.08.2025).
- Пельц Д., Эндрюс Ф. Ученые в организациях. Оптимальные условия для исследований и разработок / пер. с англ. Р. Е. Мельцера; под общ. ред. Д. М. Гвишиани, С. Р. Микулинского, М. Г. Ярошевского. М.: Прогресс, 1973. 472 с.

- Пушкарёва Н. Л. Социальная память о быте и повседневности женщины-ученой в «дооттепельном» советском кинематографе (1945—1955 гг.) // Вестник Марийского государственного университета. Сер.: Исторические науки. Юридические науки. 2020. Т. 6, № 2. С. 143—148.
- Пушкарёва Н. Л. Динамика академических привилегий и перемены в быту обладателей научной степени в СССР // Общественные науки и современность. 2025. № 4. С. 105—111.
- Сальникова Е. В. Советская культура в движении: от середины 1930-х к середине 1980-х. Визуальные образы, герои, сюжеты. М.: ЛКИ, 2010. 471 с.
- Старос А. Ф., Хорева Л. В. Категориальный анализ и индикаторы составляющих оценки научной деятельности: (обзор литературы) // Социальные проблемы и факторы интенсификации научной деятельности. М.: Наука, 1990. С. 72—97.
- Сыров В. Н. Кино как исторический источник // Человек — текст — эпоха. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. Вып. 2. С. 26—42.
- Теплинский О. В. Научная интеллигенция в советском кинематографе: основные тенденции репрезентации: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2006. 23 с.
- Терлецкая О., Ковалева И., Ветлужских Г. И забыть по-прежнему нельзя... // Наука в Сибири. 2007. 31 мая (№ 22). URL: <http://www.nsc.ru/HBC/article.phtml?nid=421&id=19> (дата обращения: 01.08.2025).
- Marsh R. J. Soviet Fiction since Stalin: Science, Politics, and Literature. London: Routledge, 1986. 338 p.
- Woll J. Real Images: Soviet Cinema and the Thaw: (KINO — The Russian and Soviet Cinema). London; New York: I. B. Tauris & Company, the Limited, 1999. 280 p.

References

- Beyrau, D. (1994) *Intelligentsiia i vlast' — sovetskii opyt* [The intelligentsia and power — the Soviet experience], *Otechestvennaia istoriia*, no. 2, pp. 122—136.
- Gantman, Yu. N. (1976) *Udovletvoreniie deiatel'nost'iu v sviazi s kachestvami lichnosti i parametrami osushchestvliemoi deiatel'nosti* [Satisfaction with activity in relation to personality traits and parameters of activity], in: *Psikhofiziologicheskie voprosy stanovleniia professionala*, iss. 1, Moscow: Nauka, pp. 102—115.
- Gorodetsky, Ye. N. (1989) *Zhurnal "Voprosy istorii" v seredine 50-kh gg.* [The journal Questions of History in the mid-50s], *Voprosy istorii*, no. 9, pp. 70—76.
- Knysh, N. A. (2009) *Obraz sovetskoi istoricheskoi nauki v pervoe poslevoennoe desiatiletie*: Dis. ... kand. ist. nauk [The image of Soviet historical science in the first post-war decade: Diss. (Cand. Sc.)], Omsk.
- Korzun, V. P., Kolevatov, D. M. (2006) *Sotsial'nyi zakon i transformatsiia obraza istoricheskoi nauki v pervoe poslevoennoe desiatiletie*: ("Na klassikov ravniais'!") [Social order and transformation of the image of historical science in the first post-war decade: ("Look up to the classics!")], in: *Mir istorika*, iss. 2, Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 199—224.
- Kovalevskaya, S. V. (1960) *Vospominaniia detstva; Nigilistka* [Childhood memories; Nihilist], Moscow: Khudozhestvennaia literatura.
- Livshits, L. Ya. (1948) *Trudnosti preodolennye i nepreodolimye*: (P'esa "Sof'ia Kovalevskaiia" brat'ev Tur v teatre imeni T. G. Shevchenko) [Difficulties overcome and insurmountable: (The play "Sofia Kovalevskaya" by the Tur brothers at the T. G. Shevchenko Theatre)], *Lev Livshits. In memoriam*, available from <http://www.levlivshits.org/index.php/works/vopreki-vremeni/publ-recenz-menu/249-trudnosti-recenz.html> (accessed 01.08.2025).

- Marsh, R. J. (1986) *Soviet Fiction since Stalin: Science, Politics, and Literature*, London: Routledge.
- Pelz, D., Andrews, F. (1973) *Uchënye v organizatsiakh. Optimal'nye usloviia dlia issledovaniĭ i razrabotok* [Scientists in organizations. Productive marshes and work environments], Moscow: Progress.
- Pushkareva, N. L. (2020) Sotsial'naia pamiat' o byte i povsednevnosti zhenshchiny-uchënoĭ v "dootepel'nom" sovetskom kinematografe (1945—1955 gg.) [Social memory of the life and everyday life of a female scientist in the "pre-Thaw" Soviet cinema (1945—1955)], *Vestnik Mariĭskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Istoricheskie nauki, Iuridicheskie nauki, vol. 6, no. 2, pp. 143—148.
- Pushkareva, N. L. (2025) Dinamika akademicheskikh privilegii i peremeny v bytu obladatelei nauchnoĭ stepeni v SSSR [Dynamics of academic privileges and changes in the daily life of holders of scientific degrees in the USSR], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 105—111.
- Salnikova, Ye. V. (2010) *Sovetskaia kul'tura v dvizhenii: ot serediny 1930-kh k seredine 1980-kh. Vizual'nye obrazy, geroi, siuzhety* [Soviet culture in motion: from the mid-1930s to the mid-1980s. Visual images, heroes, plots], Moscow: LKI.
- Syrov, V. N. (2006) Kino kak istoricheskii istochnik [Cinema as a historical source], in: *Chelovek — tekst — epokha*, iss. 2, Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, pp. 26—42.
- Staros, A. F., Khoreva, L. V. (1990) Kategorial'nyi analiz i indikatory sostavliaiushchikh otsenki nauchnoĭ deiatel'nosti: (Obzor literatury) [Categorical analysis and indicators of the components of the assessment of scientific activity: (Literature review)], in: *Sotsial'nye problemy i faktory intensifikatsii nauchnoĭ deiatel'nosti*, Moscow: Nauka, pp. 72—97.
- Teplinsky, O. V. (2006) *Nauchnaia intelligentsiia v sovetskom kinematografe: osnovnye tendentsii reprezentatsii*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Scientific intelligentsia in Soviet cinema: main tendencies of representation: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Krasnodar.
- Terletskaya, O., Kovaleva, I., Vetluzhskikh, G. (2007) I zabyt' po-prezhnemu nel'zia... [And it is still impossible to forget...], *Nauka v Sibiri*, May 31, no. 22, available from <http://www.nsc.ru/HBC/article.phtml?nid=421&id=19> (accessed 01.08.2025).
- Valkova, O. A. (2019) *Shturmuia tsitadel' nauki: Zhenshchiny-uchënye Rossiĭskoi imperii* [Storming the citadel of science: Women scientists of the Russian Empire], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Weil, P., Genis, A. (2018) *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [The 60s. The world of the Soviet man], Moscow: AST, CORPUS.
- Woll, J. (1999) *Real Images: Soviet Cinema and the Thaw: (KINO — The Russian and Soviet Cinema)*, London, New York: I. B. Tauris & Company, the Limited.

Статья поступила в редакцию 18.08.2025; одобрена после рецензирования 08.09.2025; принята к публикации 15.09.2025.

The article was submitted 18.08.2025; approved after reviewing 08.09.2025; accepted for publication 15.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Пушкарева Наталья Львовна — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Center for Gender Studies, N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).